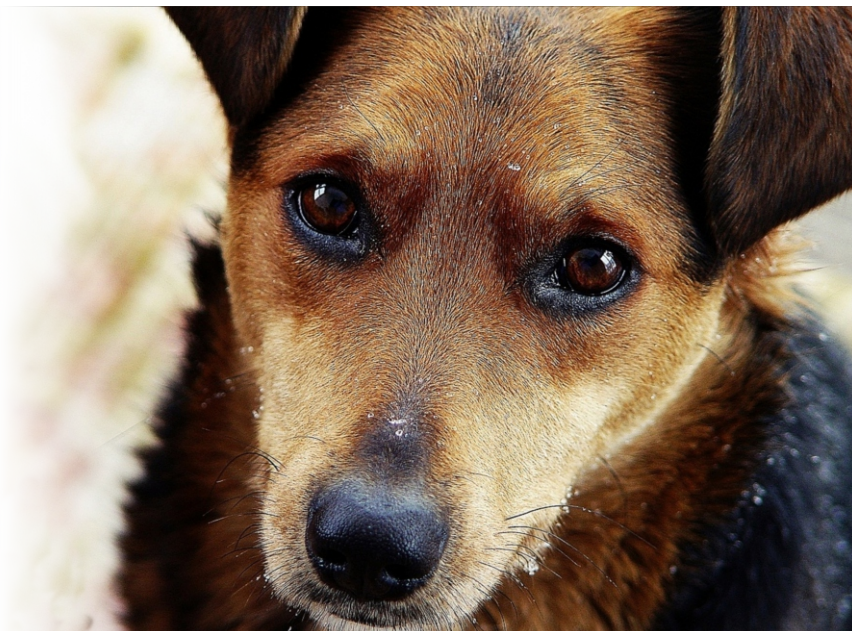

Братья наши меньше

Исповедь брошенной собаки

Говорят, что я – охотничий пёс, да не простой, а породистый – русская гончая собака. Я этому охотно верю. Зовут меня – Гвоздь. Видимо, мой хозяин любит забивать гвозди. Зовут его Паша. Своих родителей я не помню. Паша взял меня в свой дом полугодовалым щенком. Я быстро рос и много играл с ребятами в игрушки, особенно в мячики, которые любил грызть. Меня за это ругали, но не сильно. Дети бегали со мной наперегонки, катались на спине и таскали за хвост. Мне нравилось жить в деревянном доме на берегу озера: я спал, где хотел, и ел, сколько хотел. Но потом мне сообщили, что теперь я большой и должен жить в конуре. Меня переселили в маленькую будку и сказали, что это мой новый дом. Я не жаловался. Только мешала туго завязанная на шее толстым узлом верёвка, привязанная к забору. Ошейник покупать не стали, – дорого нынче обходятся собачьи принадлежности. Одно меня тревожило: хозяева мои – выпивохи. Есть у них заветная бутылочка, от которой они сильно хмелеют. Зовут меня составить кампанию – третьим будешь? Но я отказываюсь: запах самогонки не выношу.

Скоро меня взяли в лес на охоту, чтобы научить загонять зайцев и лис, и, как говорится, попробовать зверя на зубок. И я загонял. Так пролетела жизнь. Не раз больно битый палкой и поротый верёвкой, прощаю обиды и остаюсь верным, преданным псом. Теперь я вошёл в солидный возраст: десять лет стукнуло, староват, конечно, но с работой справляюсь. Имею все качества хорошей гончей: отменный нюх, вынослив, послушен, только слух в последнее время стал подводить, да зрение не то, а теперь вот одышка привязалась.

На этот раз было всё, как всегда. Мы с Пашей сели в лодку и помчались на быстром моторе в

заповедный лес. Вышли на берег заросшего густым лесом полуострова, похожего на заячье ухо. Царила золотая осень. Я люблю осенний лес: шуршащие листья будоражат воображение, лёгкая прохлада бодрит и добавляет азарта.

Охотничьего рожка у хозяина нет. Он свистнул, – это предназначенный мне условный знак, и я взял заячий след. Правда, шорох листьев – плохой помощник: близко к добыче не подойдёшь. Хорошо охотиться в сырую погоду, особенно по легкому туману: тогда запахи усиливаются, обоняние обостряется. А ещё лучше – по легкому морозцу: зайчишка оставляет отпечатки лапок на заиндевелой тропке. На этот раз рысак оказался на редкость резвый, он усердно петлял, ловко запутывая следы. Места оказались незнакомые, но я не волновался, – со мной товарищ, который непременно похвалит за хорошую работу.

Пока было понятно, что иду по свежему следу, я усердно потягивал, переходя на мелодичный лай, по интонации которого всякий охотник понимает, как собака ведёт добычу. Но что-то пошло не так. Вконец запутавшись, я понял, что хожу по кругу. Косой ушёл, оставив меня с носом. Пытался, было, распутать петли его замысловатых узоров, да не вышло. Жалко, такой трофей упустил! Досадно, конечно, в следующий раз отработаю. Охотнику бы тоже не зевать, а возле заячьей лёжки с ружьём покараулить, так и охотника след простыл. Я остановился в нерешительности, не зная, что предпринять. Возвращаться было стыдно: Паша будет ругаться нехорошими словами, которые меня обижают.

Время шло. Я подал голос, надеясь, что обо мне вспомнят. Но никто не окликнул. Эх, позабыли обо мне! Наверное, хозяин хлебнул из заветной бутылочки и крепко заснул. Ясно стало: выбираться придётся самому. Но как? Я кружил и кружил вокруг одних и тех же пригорков и похожих друг на

друга деревьев. Стемнело, короткий день подошёл к концу.

Вдруг зычно взревел лодочный мотор, – это мой хозяин засобирался домой. Со всех лап бросаюсь на шум двигателя, вламываюсь в заросли густых кустарников, подминаю моховые кочки, и выскакиваю на берег озера. Громко, что есть сил, зову. Но лодка уже далеко. Паша, наверное, обиделся. Я бросился в воду, полагая, что догоню. Но скоро стало ясно, что с техникой не поспоришь, и вернулся на берег.

Солнце завалилось за горбатую сопку и скрылось за горизонтом. Похолодало. Я остался наедине с незнакомым лесом. Стоя на остывающей скале, я ждал, напряжённо вслушиваясь в шум волны, вот-вот лодка вернётся. Так прошла ночь. Утро было пасмурное и неприветливое. Поднялся ветер, озеро штормило. Пошёл морозящий дождь, нудный, долгий – осенний. Я здорово продрог и, кажется, проголодался. Кто теперь мне сварит овсяную кашу на куриной косточке?

Так миновал ещё день, а потом ещё много дней. Считать я не умею. Да и зачем? Оцепеневший от напряжения и холода, я ждал на высоком холме. Силы покидали меня, шансы на выживание таяли день ото дня. Над головой кружили беркуты – крупные, сильные хищники. А это – зловещий знак. По ночам тревожную песню выводили волки. Ураган здорово потрепал деревья, и они дрожали от холода и мокроты. Дрожал и я. Мимо проходили лодки, но это были чужие лодки. К берегу никто не причаливал: всех пугал мой хриплый лай, переходящий в вой и стоны отчаяния. Мне было голодно и страшно, одиноко и обидно. Я ощущал себя брошенным и никому ненужным. В голову приходили совсем не собачьи мысли: «Чем я так сильно провинился?»

Какой могла быть моя дальнейшая судьба? Вероятно, как и многих бродячих собак. Я пошёл бы на запах свалки и пополнил армию бездомных. Нередко такие собаки носят на себе тугие ошейники, заботливо надетые любимыми хозяйскими руками. Но брошенные или вовремя не найденные, животные вырастают, задыхаясь от удушья. Облезлые, тощие и больные – бродят они по улицам наших городов, плодя новые поколения тощих страдальцев, с выпирающими рёбрами, с плешивой шерстью и потухшими глазами. К счастью, со мной такого не случилось.

Однажды подошла резиновая лодка и причалила за мысом. Люди были незнакомые. Я быстро нашёл их, в тайне надеясь, что приехал мой хозяин. Вот обрадуется! А как я скучал! Из последних сил приветливо виляю хвостом. Но Паши среди них не было, и вилять хвостом расхотелось. Люди заохали, запричитали и зашуршали пакетами с едой, увидев истощённого, с выпирающими рёбрами пса, дрожащего от слабости, с остекленевшими от напряжения глазами, полными душевной боли.

Сначала я застенчиво поджал уши. А потом осмелел, и правильно сделал, потому что мне перепало всё, что они привезли с собой: бутерброды, печенье, шоколадные конфеты. Я всё проглотил, не жуя. Закружилась голова, я прилёг, ожидая нового угощения. Но съестного больше не было. И я тихо заскулил. Хотел, было, погавкать, но передумал. Люди пожалели меня и позвали в свою маленькую лодочку. Но я отказался: скоро приедет Паша и отвезёт в родной дом.

Положение казалось безвыходным. И вдруг на горизонте в дымке кучерявых облаков, словно призрак из волшебной сказки, появилась белоснежная яхта под белым парусом. Дети бегали по палубе, мамаша в нарядной шляпке в бинокль любовалась красотами живописного озера. Мои кормильцы закричали, замахали руками и позвали капитана судна пришвартоваться. Так решила моя судьба. Семья высыпала на берег и услышала историю про меня. Я и сам хотел рассказать, но по моему внешнему виду и так всё было понятно. Меня пригласили на красивый корабль в занимательное путешествие на воде. Я колебался: вдруг приедет Паша и будет искать и очень рассердится, а в гневе он грозен. Но голод сделал своё дело: на палубе меня накормили вкусной картошкой с колбасой. От такого заботливого обхождения хотелось заплакать, но слёзы давно высохли. Тревога утихла, только не утихала дрожь. Тогда я узнал, что такое человеческое сострадание.

Яхта с добрыми людьми причалила к рыбацкому посёлку, где жил старый охотник, который в прошлом году простился с любимым псом. Дед ласково потрепал меня за холку, прижал к себе, как родного, сытно накормил рыбным супом и кашей с маслом и назвал меня Дизель. Видать, трактористом в колхозе работал. Я хотел, было, сказать, что Гвоздём зовут меня, но передумал. Это уже не имело никакого значения. Дед Михаил тосковал без преданного друга. Я оказался как раз кстати. Моё изношенное сердце согрелось добротой и наполнилось благодарностью. Я лёг у ног старика, вглядываясь в глубокие морщины его добродушного лица. Душевная боль тихо таяла. В глазах старого пса защищали слёзы...

Утка чомга и судак

От лёгкого дуновения ветерка монотонно шуршит тростник, шелестит камыш, убаюкивая природу и разомлевшего рыбака в уютной лодочке. Полыхает вечерняя заря, алое солнце «щекочет» верхушки сосен. Вода, отражая небеса, насыщается малиновым светом. Вдруг послышались мощные всплески, они всё ближе и ближе к лодке, – это вышли на охоту клыкастые охотники – судаки, они безжалостно расправляются с рыбьей мелочью.

А в это время в камышовых зарослях занимаются домашними хлопотами утки – кряквы, чирки, кулики, чомги; тут утка – мать обучает малышей житейским премудростям. Кругом покой, тишина и ничто не нарушает утиную идиллию. В трудах и заботах птицы совсем забыли об осторожности. Из камышей выплыли две утки – чомги с царственным хохолком на голове. Птицы изящные, словно балерины, спинка черная, бока рыженькие, а грудка белая. Тонкая шея увенчана пышной головой с лохматыми щёчками, шею обрамляет рыжий «воротничок», а маленькие «рожки» собраны в хохолок на чёрной шапочке. Хороша птица! Живут они дружно парами, развлекаются в компании родственников, при взлёте и посадке делают

долгую – долгую «пробежку» по воде. Я всегда замираю при виде птичьего балета.

Птицы мирно прихорашиваются, ухаживают друг за другом. Вдруг одна из них истошно закричала, забила крыльями и стала тонуть. Может это просто игра? Нет, – птица изо всех сил пытается взлететь, но кто-то тянет её в глубину. Вторая утка растерялась, не знает, чем помочь. И вот в последний раз крикнула обезумевшая от страха утка, и вода сомкнулась над её головой. Прошло время, чомгу нигде не видно. Вторая птица беспокойно ныряет, ищет подругу и только теперь чувствует беду. Громко хлопая крыльями, она несётся прочь от опасного места.

Чомгу относят к семейству крупных поганок, прозванных нелестным именем за невкусное мясо, поэтому охотников мало прельщает изящная утка. Чомга – птица осторожная, скрытная, не каждый ее увидит. Гнездо из травы и водорослей строит в камышовых или тростниковых зарослях, любит селиться и на плавнях: иногда проплывёт вдоль берега вместе с гнездом, а птиц и не заметишь. Крошечные птенцы в случае опасности забираются маме на спину и прячутся вместе с ней под водой. Потому им не страшен воздушный пират, будь то белый лунь или орлан – белохвост. Вот только от подводных хищников спасения нет. Питается, как и все утки, насекомыми, мелкими рыбками и лягушками, а осенью улетит зимовать в тёплые края. Чомга занесена в список редких и исчезающих птиц – в Красную книгу.

Так кто же украл утку? Это жирующий на вечерней зорьке крупный судак заметил водоплавающий деликатес и решил попробовать его на вкус. Хищник схватил птицу за лапку и утащил на дно, где прекрасно поужинал уткой с нарядным хохолком на голове!

Осенняя элегия

Накрыла осень землю крылом позолоченным. По перелескам да рощицам в бурном вальсе кружит листва пурпурная. Леса облачились в мантии царственные. Пышно нынче в лесу, торжественно, дубравы и чащобы околдованы смирением и покоем. Улетели певчие птицы в края далёкие, некому теперь трели звонкие выводить, сердца людские веселить.

Дачный сезон к концу подходит, пора и мне в город выбираться. Да вот брошенные кошки душу бередят: бродят вокруг моего дома рыжие, чёрные, полосатые братья наши меньшие, никому не нужные. А котят-то сколько народилось! Пищат, дерутся, просят у человека помощи. Холодно им, голодно. Скоро и я уеду, что станет с забытыми питомцами? Погибнут. А то лисы их в лес утащат. Лисам тоже голодно зимой: зайцев совсем мало стало, а змеи, ящерицы, мыши да кроты глубоко в норы зарылись. Вот и повадились хитрые плутовки по осени домашних кошек таскать.

С наступлением холодов всё живое к человеку тянется. Стою я как-то на берегу речки, рыбу ловлю.

Откуда ни возьмись: мышь полевая, под ногами шныряет, суетится, человека совсем не боится, бесстрашная хлопотунья к зиме готовится. Знает, что человек её не обидит и от хищника защитит. А хищник и в самом деле рядом: клубком свился уж чёрный, почуял добычу лёгкую, притаился, к атаке готовится, а напасть боится: под защитой человека хитроумный мышонок. На тусклом небосклоне силуэт быстрокрылого ястреба мелькает. Видит хищник оком зорким мышонка малого, всё ниже спускается, вот-вот схватит, да человека остерегается. А мышонку того и надо: напихал за щёки зёрнышек и под корягу юркнул. Теперь еды надолго хватит.

Красно-рыжий сад посыпался листвою и покрыл жухлую траву ажурным покрывалом. В саду тишина, только вороньё переговаривается. Давно живут тут вороны, кроны высоких деревьев родным домом считают. Тут и зимовать будут. В прелых листьях шустрый ёжик сопит, фыркает, жучков, червячков усердно ищет, да яблочком ароматным закусывает. Пришли в сад и белки, со всего леса сбежались, знают: возле человека всегда есть чем поживиться. Деловито хлопчут, еловые и сосновые семена собирают и в дуплах прячут. Зверьки сейчас смелые, не бояться людей, снуют по садовым дорожкам. Окрасом с увядшей травой сливаются, думают, что никто их не приметит. Вот и деликатес – яблоко сочное, а сколько их на землю нападало! Берите, белки, сколько надо, мне не жалко. Откусила красавица яблочко острыми зубками и бросилась наутёк. Забралась на берёзу высокую, насадила душистый деликатес на ветку и за новым бежит: будет потом сама лакомиться и других белок угощать. А то закопает свои клады в листовом опаде, а зимой под снегом обязательно отыщет.

Тусклых дней всё больше. Но щемящей тоски и покорного смирения нет. Птицы перелётные не дают скучать: облепят пернатые плодовые деревья и кусты, подкормятся день-другой, наберутся силёнок и снова в путь-дорожку дальнюю. Оставьте, люди добрые, птицам плоды труда своего: весёлым щебетаньем благодарить вас будут.

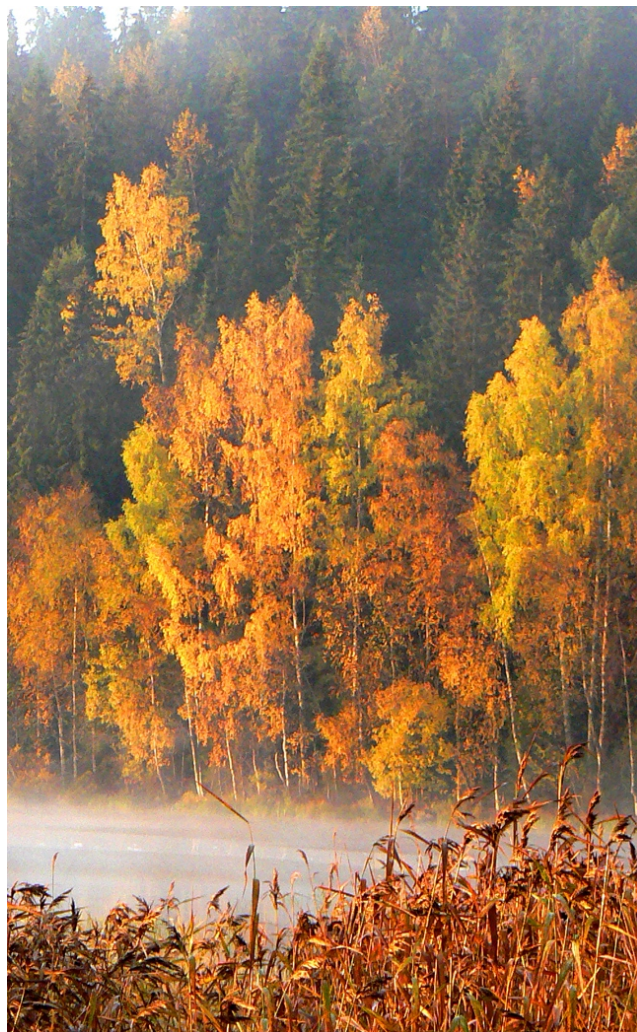
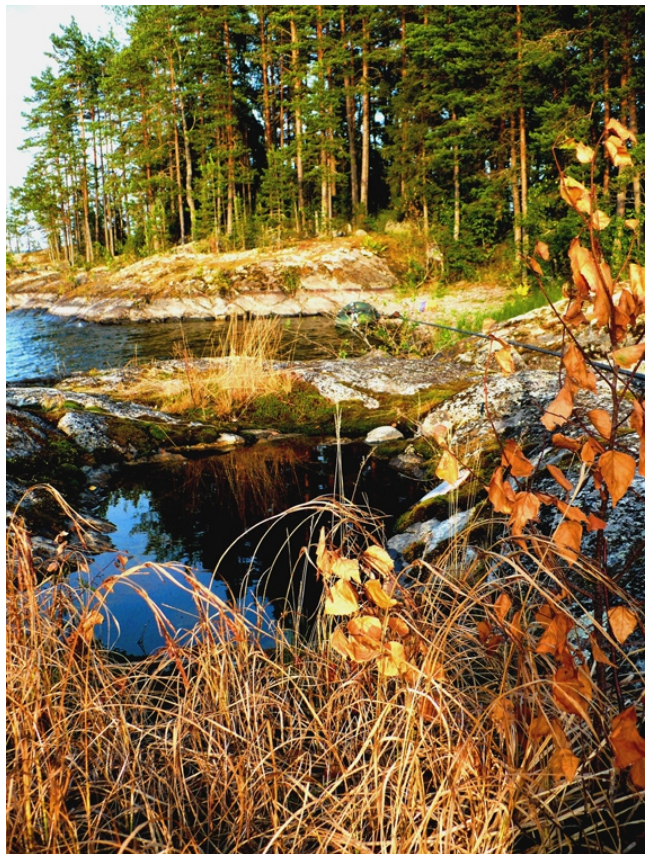
Прилетели свиристели, что-то рано в этом году, видно, зима будет ранняя. Птицы нарядные, с красными хохолками на голове, летают высоко, дружно, посвистывают тонкими голосочками. Усядутся стайкой на куст смородины, ягод, как не бывало, съедят и рябину, шиповник, боярышник.

Тепла нынче мало, но солнышко нет-нет, да скользнёт нежным лучом по остывающей земле, благодатью небесной всё живое одарит. Народ в такие дни с корзинками по грибы в лес отправляется: белые грузди, опята, волнушки, рыжики, маслята, маховики в лукошко просятся. В болотных низинах морошка желтеет да клюква краснеет. Будет, чем зимой лакомиться да добрым словом осень щедроу вспоминать.

Ночью почерневший небосклон обсыпался звёздами яркими, – это к холодам, к утру коварный морозец наведается, цветы усыпит, кусты и деревья инеем посеребрит. От перепуганных свиристелей и след простыл. Зато прилетели желтогрудые синички, добрали ягоды, облазали дупла и рыхлые стволы, обстучали острыми клювами старые стены и крыши домов, сараев и бань, – а тут личинок, жучков и паучков до весны попряталось, видимо – невидимо. Синицам холода нипочём, пробудут возле жилия до самых заморозков, а то и всю зиму возле человека прокормятся.

По дорожке чинно шагают желтоклювые грачи. Вчера ещё их не было, а сегодня важные мамы рыхлые грядки разгребают, полусонных червей подбегают да птенцов угощают. В траве скачут малыши – худосочные первогодки, семена да ягоды подбирают. Вот и пёстрый дятел пожаловал. К холодам совсем осмелел, спустился с высокой сосны к самой земле и старую древесину долбит. Усердно трудится лесной санитар – нарядный щёголь в чёрном фраке: жуков-короедов добывает, дереву помогает. Надо бы и мне в сад пойти поработать, да жалко хвостатых и крылатых гостей пугать.

На речке тихо, лишь лёгкий ветерок воду теребит, насылая робкую рябь, смиренная волна едва шуршит. Вода уже остыла и умерила свой пыл, и редкая рыбёшка плеском своим нарушит её невозмутимое спокойствие. В тростниковых заломх хлопочут утки. Каждый год прилетают сюда, тут они родились, тут и птенцов вывели. Привыкли птицы селиться возле человека. Рыбаки, то хлебушка кинут для привады рыбы, то кашей накормят. Мамаши утиные снуют туда – сюда, пуховичков торопят на крыло поставить. Что – то в этом году утки припозднились. Наверное, малыши ещё не оперились. Улетят, конечно, зимовать не останутся. А охотничий сезон в самом разгаре. Вот и сегодня рано поутру стреляли...

Мой ласковый и нежный кот

В своей торопливой, суетной жизни меня мало интересовали кошки. Но однажды сердце моё дрогнуло. Под скамейкой возле дома на майском солнышке грелось «святое кошачье семейство» — пять разноцветных пушистых котят. Мать — кошка, похоже, не сумела прокормить их и оставила на всеобщее обозрение, чтобы люди позаботились о её детках. Один из малышей шустро расталкивал своих родственников и причмокивал губами. Этот пушистый комочек и стал любимым членом нашей семьи.

Любопытный пострелёнок изучал новую обстановку, залезал всюду, куда мог пролезть. Забавам быстро растущего котёнка не было конца. Резвый и ловкий «колобок» носился, сломя голову, по комнатам, взбирался на спинку стула, на оконные занавески.

Котенка назвали Рысём в честь его диких сородичей. И это имя подходило нашему питомцу. Будь он вольным котом, наверняка стал бы великолепным охотником. Пытаясь схватить добычу, (чаще это были мои руки), Рысёнок осторожно подкрадывался к жертве и одним прыжком набрасывался на нее. Точь-в-точь рысь, только совсем маленький! Рука зашевелилась — и охотник идёт на сближение. Стоп! Объект насторожился, и кот замер, прижавшись к полу. Хватка у котёнка великолепная: он впивается в противника острыми зубами и наносит точные удары лапами, вспарывая брюхо воображаемому кабану. Настоящая охота опытного хищника, остаётся только соорудить джунгли, а руку заменить дикой свиньёй. Я с удовольствием наблюдаю за детскими забавами своего питомца, в которых столько грации юного зверя.

Доверчивый и ласковый котенок покорила моё сердце. Наигравшись вволю, он, мило мурлыкая, прижимается к моей щеке бархатной мордочкой. И я обмираю душой, прижимая к себе пушистое счастье. Ночью котёнок осторожно пробирается в мою постель. Он удобно устраивается подмышкой, свернувшись калачиком, умиротворённо посапывает, требуя почесать за ушком. Спит Рысёнок спокойно. Ему, наверное, кажется, что нежится в объятиях своей мамочки. А утром набрасывается на еду, как будто голодал целую вечность. В наше отсутствие трапеза продолжается на столе, знает, хитрец, свою безнаказанность. После великолепного пиршества он приходит в неопишное блаженство. С туго набитым животом котёнок засыпает на ходу. Ему хочется поскорей добраться до постельки, но для этого нужно слезть со стола. А живот перевешивает, и проказнику легче свалиться, чем спрыгнуть.

Образ жизни: поспал-поел — поспал шёл малышу на пользу. Он все больше походит на взрослого кота, хотя наивный взгляд и игривость выдавали детский возраст. В ловкости и смелости малыш тоже прибавил. Взлететь на любую полку или шкаф для

него не составляло никакого труда. Врождённые охотничьи навыки помогали успешно ловить мух прямо на лету. Особым деликатесом стали осы. Правда, с осами приходится немного повоевать и исхитриться так, чтобы не пораниться. Ужалить Рысёнка осам так и не удалось: больно уж проворным оказался противник, не помогало даже острое жало. А кот знай себе «мутузит» полосатых, сбивая на лету ловким ударом когтистой лапы.

Почему мы любим своих кошек, сносим их проделки и готовы терпеть непредсказуемые выходки? Потому что кошки — это неиссякаемый источник энергии! Они смелые, и в то же время совершенно беззащитны. А ещё потому, что кошки с большим удовольствием готовы отвлечь нас от дел! А это нам очень нравится. Они непосредственны и изобретательны на хитрости, забавные и смешные, сообразительные и находчивые, изящные и грациозные. У них есть предназначение — вызывать восхищение человека! Мурчащее существо рядом — это часть того лучшего и удивительного, что есть в нашей жизни. Не зря пословица гласит: «без кота жизнь не та». Кошки кажутся нам мудрыми, словно не от мира сего. У кошек есть способность «замурчать» наши неприятности. И пусть весь мир подождет! Кошка снимает стресс, расслабляет, создаёт в доме уют. Это милое и ласковое существо всегда ждет тебя дома. А что еще нужно для счастья? Присущая им чувственность, ранимость, обидчивость, упрямство, стремление любой ценой достичь поставленной цели вызывают уважение. Пушистое очарование невозможно не любить. Всё это можно назвать котогипнозом. Если ты сделал кошку счастливой — то и она станет твоим счастьем.

Но вот однажды случилась беда: котёнок заболел и свой первый день рождения не успел отметить. Как выяснилось позже: он проглотил кусочек электропровода. Медь беспощадно отравляла организм. Бедный малыш, исхудавший, взерошенный, со слезящимися глазками: он больше походил на узника, приговоренного к адским мукам. Котёнок перестал играть, взгляд становился жалобным. Лекарства не помогали, оставалось только надеяться на молодой организм. Но недуг брал свое. Измученный страданиями, он перестал есть и почти не вставал. И наступил день, когда Рысёнок в последний раз обошел свои владения, обнюхал любимые игрушки и лёг в свою постельку. Несколько часов продолжалась агония. Малыш обнимал ослабшими лапками мои руки, он так хотел жить! А мне хотелось верить в чудо спасения! В последний миг он посмотрел пронзительным, умоляющим взглядом и простился. Вытянувшись во весь свой небольшой рост, он уснул навсегда. Глаза покрыла безжизненная пелена. В это весеннее утро нашего любимца не стало.

Похоронили Рысёнка в саду под березкой. В доме стало сиротливо с потерей дорогого существа. Мы помним тебя, малыш! Прости, что не сумели уберечь!

Подкидыш Гоша

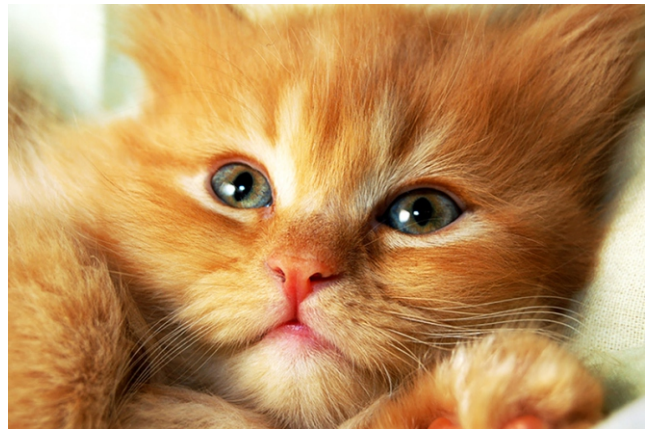
Маленький провинциальный городок русского севера живёт своей степенной, размеренной жизнью. Удалённость от крупных промышленных центров, окружение первозданными таёжными лесами и глубокими озёрами – создали в городке особый дух покоя и умиротворения. Люди, не испорченные цивилизацией, сохраняют традиции добра и справедливости.

За скрипучей, покосившейся дверью старого деревянного дома стоят миски для бродячих кошек. Сердобольные жители дома щами да кашами щедро угощают разношёрстных гостей. Изящная серая кошечка с доверчивыми глазами, не смотря на свою молодость и застенчивость, смело защищает свой корм. Она-то и стала хозяйкой приветливой обители. Её называли Мулей. В щели под лестницей Муля прячется от холода, здесь она отсыпается после ночных прогулок с приятелями по кошачьей компании.

Наступила весна – пора шумных свадеб. За благосклонность зеленоглазой прелестницы бесстрашно дрались два задиристых кота. Изрядно потрепанный вожака черныш с разодранным ухом скоро сдался и бросился наутёк. Красавица Муля удостоила своим вниманием рыжего победителя из соседнего двора. Вскоре кошечка принесла пятерых разноцветных котят. Люди усердно ухаживали за кормящей мамашей.

Весна выдалась ветреная с мокрыми снегами и обильными дождями. Холодные сквозняки гуляли по коридорам старого дома. Голодные котят тревожно пищали под лестницей. Самых слабых Муля пристроили в сарае с дровами. Остался один рыжий забияка, который отчаянно боролся за материнское молоко.

Однажды Ольга Павловна, женщина сердобольная и приветливая, услышала скрежет коготков в свою дверь. Кто бы это мог быть? На пороге стояла Муля с детёнышем в зубах. Изумлённая женщина отнесла котёнка на его привычное место. На другой день история повторилась. На этот раз кошечка была настойчивее: она громко скреблась и тревожно мяукала. Теперь Ольга Павловна поняла: молодая мамаша просит помощи, она не может прокормить всех малышей и отдаёт ей самого сильного и крепкого. С мольбой в глазах Муля посмотрела на благодетельницу и положила котёнка к её ногам. Подкидыш был мокрый и дрожал от холода. Доброе сердце Ольги Павловны дрогнуло. Но как быть: ведь у неё своих две престарелые кошки, с которыми немало хлопот? Да и хватит ли сил заменить малютке родную мамочку? «Ладно, возьму, – подумала женщина, – подарю кому-нибудь». Муля в последний раз лизнула своё сокровище и простилась с ним. Кошка-мать покорила судьбе и доверила добродетельной женщине самое дорогое, что у неё есть – своё дитя.

Подкидыша назвали Гошей. Ожидания Ольги Павловны не оправдались: брать Гошу никто не захотел: мал, слаб, рано оторвали от матери - хлопот не оберёшься, да и не породистый. И женщина смирилась. Она терпеливо кормила котёнка из пипетки молочной смесью для новорождённых детей. И он выжил. Малыш с аппетитом ел, много и сладко спал, примостившись на груди вновь обретённой мамы, уткнувшись влажной мордочкой в тёплую шею. И был доволен жизнью. Недовольны были только старые хозяйские кошки, они настороженно обнюхивали нового члена семьи, сердито ворчали и давали ему подзатыльники, чтобы знал своё место.

Заботливая Муля ещё не раз прибежала к заветной двери. Она громко звала своего малыша, ей хотелось приласкать его и покормить материнским молоком. Но ей не открывали: котёнка увезли на дачу.

Посмотреть на очаровательную кроху приходили любопытные соседи. Рыжего озорника носили на руках, кормили, играли. И караулили, чтобы не потерялся в густой траве и не утащили вороны. Хороший уход, свежий воздух и тёплое солнышко сделали своё дело: малыш подрос, окреп и научился есть кошачью пищу. Так прошло полгода.

Однажды обнаружилось, что Гоша вовсе не мальчик, а скорее наоборот. Гошу переименовали в Гулю. Кошечка спокойно приняла новое имя, лишь бы рядом была мамочка. Теперь за холёной красавицей выстроилась очередь. Но Ольга Павловна так прикипела душой к подкидышу, что и слышать об этом не хочет. Она хорошо знает: своих не предадут.

А у Гули теперь много важных дел: она готовится к взрослой жизни. Словно молодая тигрица малышка охотится за добычей – идущими ногами и смело идёт в атаку – на ласковые материнские руки. Озорница сбрасывает со шкафов горшки с комнатными цветами, – так она помогает хозяйке не скучать от безделья. Да и в прихожей чинит беспорядок: из обувной полки вылетают тапки, а шапки сами падают на голову. С наслаждением Гуля качается на шторах, свалившись с ними на пол: она отважно борется с неведомым противником. Ольга Павловна с трудом взбираясь на стул, водружает тонкую ткань на прежнее место и уговаривает

рыжую бестию больше так не безобразничать. Но проказница решила, что гимнастика для ног мамаше не повредит. Гуля внимательно выслушивает замечание, преданно смотрит широко открытыми глазами цвета гречичного мёда, словно извиня-

Уроки собачьего милосердия

Жили-были в одном провинциальном городке дед да баба с внучонком Сашенькой. Как-то раз подарили старики любимому внуку беспородного щенка. Баловали они и внучка, и щенка то пирожком, то конфеткой. Прозвал мальчуган ласкового пёсика совсем ему не подходящим, кошачьим именем Барсик. На снежного барса он тоже не походил. Но пёсик спокойно принял непонятное имя и с радостью на него откликнулся. Парнишка гордился своим

ясь за свои проделки, и снова идёт на штурм занавесок. Между делом забияка задаёт тумачков барышням – кошкам в отместку за прошлые оплеухи. Те терпят и прощают обиды.

Жизнь Ольги Павловны окрасилась новыми оттенками. Дети и внуки выросли. А вновь обретенная малышка так нуждается в её заботе! Теперь Ольга Павловна не задерживается на посиделках у подруг: она торопится домой, где без неё скучает Гуля. Не страдает женщина и бессонницей: МУР-МУРные песенки убаюкивает куда лучше всякого снотворного. И в будильнике теперь нет необходимости: заботливая Гуля спозаранку, часов так в пять, обязательно разбудит: хватит нежиться в кровати, завтракать пора!

Приёмная мамочка и подкидыш дарят друг другу самое ценное, что есть в жизни – бескорыстную любовь.

мохнатым другом, который вился под ногами у ребятни. Щенок купался с ребяташками в прохладной воде, а охотнее грелся на тёплом камушке. Потом все играли в «казаки-разбойники», а пёсик, заливаясь радостным лаем, догонял то «казак», то «разбойников». Дружной компанией все бегали в лес за грибами, брусничкой, черничкой, голубичкой.

Доверчивый щенок радовался каждому человеку, будучи уверенным, что и все вокруг рады ему. Кроме игры с ребятами у лохматого товарища были и свои дела, – весёлым повизгиванием пёсик приветствовал прохожих, дёргая за штаны или рукава, – уж очень хотелось поиграть. Потом гонялся за назойливыми воронами и голубями, закапывал в землю подаренные косточки, а особенно любил догонять свой задиристый хвост.

Но вот как-то вдруг неожиданно – нежданно, один за другим ушли в «мир иной» и дед, и бабка. Мальчонка, изредка наблюдаемый родителями и «неотяжелённый» воспитанием, рос сам по себе, а с ним рос и Барсик. И завертелась жизнь молодая. Теперь пареньку не пристало ходить на свидание с преданным четвероногим товарищем. Собачёнку выселили из квартиры на лестничную площадку. Пёсик мужественно перенёс выдворение и продолжал самозабвенно любить.

А тут «армейская труба позвала в поход», и возмужавший молодец ушёл на военную службу. Соседи, как могли, поддерживали брошенную собаку, – кто обёртку от колбасы, кто косточку кинет, кто хлеб маслом намажет, а кто скисшие щи в плошку плеснёт. Однако место жительства пса вновь поменялось, – он «переехал» к входной двери в тесную щель под почтовыми ящиками. Горемыка достойно встретил новое жилище, продолжая всей душой одаривать людей привязанностью и любовью.

Прикипевший на всю оставшуюся жизнь к своему хозяину, пёс с нетерпением ждал с ним встречи. Но вот солдатик благополучно отслужил и счастливо воротился в родной дом. Но привечать безродную псину не стал. Правда, подкармливал, когда вспоминал. Как-никак, свой!

Время шло. Парень вырос, и заниматься бездомной собакой ему не пристало. А тут ещё семья появилась, да ребёночек родился. И в один прекрасный день собачья миска исчезла. Навсегда!

Барсик тоже вошёл в солидный возраст, но возмужать по примеру хозяина не смог, и оставался низкорослым, моложавым псом. Правда, иногда по ночам людей будило лёгкое подвывание, когда он облизывал отбитые бока и обтопанные лапы. А тут ещё и морозы жгучие ударили, вот и застудился бедолага на холодном цементном полу. Кем-то брошенную подстилку выкинули во избежание пожара от непогашенной сигареты.

Вопреки своему оскорблённому состоянию, надоевшая всем псина, теряющая зрение и слух, не ушла «на вольные хлеба». Сохранив чувство собственного достоинства, Барсик теперь не пристаёт к прохожим, не выпрашивает еду, а провожает людей равнодушным взглядом. «Дворянская» гордость не позволяет кормиться на свалках вместе с бездомными сородичами – бродяжками. Бдительный «стражник» всегда начеку, он честно служит людям, зарабатывая угощение, охраняет их покой, гостей непрошенных не пускает, а бродяг и пришлых собак грозно облаивает.

Дворняжки Барсика уважают за верность и достойное поведение. Да и холёные домашние псы осторожно обходят начальника двора, по-хозяйски лежащего в пыли. А кошки дворовые, величаво проплывая мимо, совсем его не боятся: знают, что разумный сторож понапрасну не обидит.

Привязался Барсик к пожилой женщине. Слепая старушка, постукивая тросточкой, медленно спускается с верхнего этажа. Заслышав знакомые звуки, пёс радостно встречает её и деловито сопровождает в магазин, куда незрячая бабуля тихонько бредёт. Бездомная собака, не обученная премудростям милосердия, добровольно приняла на себя роль поводыря без поводка и даже ответственность за безопасность одинокой женщины. Дорогу они переходят по всем правилам, идут чинно, рядом, так, что машины дружно притормаживают. Потом идут в магазин, забегая вперёд, «телохронитель» звонко призывает к вниманию. Продавцы сначала шикали на неухоженного пса, думали, – попрошайничать пришёл. Но у дворняги и в помине таких «низких» мыслей нет, и вскоре все от него отстали. Пёс ложится за дверью и ждёт, сколько потребуется. Потом они идут в аптеку, потом...

Обойдя все положенные инстанции, два товарища возвращаются домой: пёс забивается в узкую щель под почтовыми ящиками, а бабуля тяжело поднимается в маленькую квартиру под самой

крышей. За такую собачью преданность полагается вкусное вознаграждение, на которое женщина выделяет толику своей скудной пенсии. Но скромный товарищ рад и этому. С тяжёлой одышкой, уставший от прожитых лет, он поднимается к своей подопечной за угощением.

Не обласканный человеческой теплотой пёс где-то в недрах своей неиспорченной собачьей души нашёл нерастраченную любовь и подарил её слепой старушке. Он единственный понял, как нуждается эта беззащитная женщина в его поддержке. И взял на себя заботу о ней, потому, что больше некому. Судьба распорядилась так, что дети и внуки её далеко разлетелись и только изредка навещаются скрасить безрадостные дни одинокой бабули. Да и соседям нынче недосуг, теперь всем самим до себя. Слепая старость безжалостна. Так и ходят по улицам два обездолённых одиночества – старушка с тросточкой и поводырь без поводка.

Возвращаясь как-то из очередного мыканья по инстанциям, уставшая бабуля подходила к дому. В это время, громохоча всеми своими железами и сотрясая землю, мимо мчался старый, престарый самосвал. Бабушку водитель, конечно, заметил, но в расчёт не брал: «Отбежит, никуда не денется». Но бабушка не отбежала, не увидела, не успела. Не обученный урокам милосердия пёс раньше всех понял, что надо делать: он ошетинился и в один прыжок бросился под колёса. Оказавшись между машиной и своей подопечной, пёс завертелся юлой, высоко подпрыгнул и завизжал так пронзительно, что испуганный водитель резко затормозил. Верный друг неистово облял обидчика, пока в конец растерявшаяся бабуля не отошла в безопасное место. Только теперь Барсик отпустил удивлённого шофёра; тот с опаской завёл мотор и робко двинулся дальше.

Защитник очень гордится своим поступком. Теперь он точно знает, что пребывание пожилой женщины на улице в его руках, точнее – лапах. С тех пор он сердится на все грохочущие транспортные средства. Получив награду – почёсывание за ушами, друзья шагают в квартиру под самой крышей: теперь надо проводить бабушку домой да полакомиться вкусеньким. Тяжёлый подъём обоим даётся нелегко. Терпеливо поджидая друг друга, они преодолевают трудный для обоих путь.

Уставший от каменного равнодушия, ко всему притерпевшийся, пёс не скулит, никому не жалуется на свою собачью жизнь, и чувство собственного достоинства ему по-прежнему не изменяет. Ребятишки с ним теперь не играют. Неухоженная псина лежит в углу и вспоминает своё беззаботное детство. Ему грезится, как он облизует чумазы щёки своих друзей, как щиплет их за уши, кувыркается и захлёбывается от радости. Ему снится, как зимой, проваливаясь в глубокие сугробы, он мчится с горы, обгоняя санки. От приятных воспоминаний пёс радостно повизгивает и пускает слюну.

Так прошло многим больше десяти лет, – точно никто и не считал, пока однажды, в особо лютую стужу, пёс не заболел. Он тяжело дышал и хрипел. В его глазах появилось страдание, но не было мольбы о помощи. Теперь он уже не лаял на незваных гостей. В его тесном углу скопились пакеты, фантики, бутылки и пивные банки. Люди как бы не замечали молчаливое существо, беспомощно лежащее пол ногами. Повзрослевшие ребяташки, которые катались на нём в детстве, теперь занятые люди. Пробегая мимо погибающей собаки, особо сердобольные кинут в угол косточку. Кто-то, философствуя, скажет: «Да, собаке собачья смерть». Кто-то жалостливо посетует: «Отмучался, сердешный». Но «сердешный» ещё не отмучался. Он очень хотел пить. Летом были лужи, а зимой снег. Но сделать несколько шагов до снега не было сил, и он страдал и терпел. И всё же природное здоровье не подвело. Пёс поднялся и вновь приступил к охране вверенных ему объектов, зарабатывая своё пропитание.

А тут к ряду заболел и летом, видно, чумка одолела. Тело трепетало и судорожно подёргивалось. И всё же по первому зову верный сторож торопливо ковылял за угощением, радуясь любой открытой ему двери. Всклокоченная шерсть вздыбилась и вываливалась клочьями. И кто-то втащил в угол большой камень, занявший почти всю собачью щель, – чтобы «заразная псина» тут не лежала. Бедолага кротко принял каменного соседа, и только поблекшие глаза заволокла грусть и мудрая покорность судьбе. Да лапы всё чаще путались под ногами жильцов, колёсами детских колясок и велосипедов. Но терпеливый горемыка вновь

одолеет невзгоды и поднялся – вопреки всему. А камень как-то незаметно исчез, и угол вычистился. Счастливый от такого исхода дел пёс ещё усерднее нёс свою службу. Шерсть обновилась, и он снова радостно завилал хвостом. Преданные глаза, обращённые к человеку, вдруг засветились надеждой ожидаемого чуда. Да и бывают ли чудеса на свете? Только в сказках, наверное.

Пёс прожил ещё полгода. В последние дни он ослаб, слёг и больше не поднимался. Помощи ему никто не предлагал, а он ни у кого и не просил. Но только глубокий и пронзительный взгляд выдавал тяжёлые страдания. Он как-то тихо и незаметно ушёл, и муки его, слава Богу, закончились. Шли дни. Торопливый народ перешагивал через него, пока кто-то не догадался выпихнуть бывшего жильца за дверь. А утром дворник оттащил дохлую псину на свалку.

Теперь в доме поселились бездомные бродяги, наказанные судьбой – отверженные «пилигримы». Обездоленные мытари, навьюченные мешками и коробками, уютно устроились в тёплом подвале и на чердаке.

Мудрость гласит, любовь ко всякому творению делает человека человеком. Любовь есть во всём, даже в песчинке на морском берегу, ибо Господу понадобились миллиарды лет, чтобы её создать. Совершенное зло не исчезает бесследно. Подобно бумерангу, оно возвращается обратно к тому, кто «бросил камень». Ведь оно – зло записано во времени. А может быть случай с собакой и не зло вовсе? И всё же прости ты нас, собака, за жизнь твою собачью!

